

С(кФ)
Р82

ЯАККО РУГОЕВ

**СКАЗАНИЕ
О КАРЕЛАХ**

Гаврило Писев

ЯАККО РУГОЕВ

**СКАЗАНИЕ
О КАРЕЛИЯХ**

ПОВЕСТВОВАНИЕ В СТИХАХ

**ПЕТРОЗАВОДСК
«КАРЕЛИЯ»
1987**

1992 г.

С (карел.)

Р 83

Перевод с финского
Т. Стрешневой, О. Шестинского,
М. Тарасова

Художник
В. А. Наконечный

127221К

БИБЛИОТЕКА

Карельского филиала
Академии наук СССР

Р 4702270000—015 49—87
М127(03)—87

© «Карелия», 1987,
перевод пролога,
статья, иллюстрации

Северная Карелия известна не только знаменитыми рунопевцами, продолжателями древней эпической традиции, но и талантливыми писателями. Николай Яаккола, Антти Тимонен, Пекка Пертту, Николай Лайне, Ортье Степанов — все они пришли в литературу из северных карельских деревень.

Потомком северных карельских крестьян является и Яакко Ругоев, автор этой поэмы. Он родился в 1918 году в деревне Суоярви Калевальского района. Окончил учительский институт, прошел через суровый опыт войны, с годами стал известным в Карелии поэтом.

Общим для всех упомянутых писателей-карелов, включая и Яакко Ругоева, является то, что их творчество самым тесным образом связано с народной жизнью и устно-поэтическим наследием родного края. Они пишут о своих земляках, их быте и обычаях, их прошлом и настоящем, о жизненных испытаниях, которые выпадали им на долю.

Читатель поэмы Яакко Ругоева хорошо почувствует эту связь автора с народной жизнью и народной поэзией. Это эпическая, повествовательная поэма. Автор написал ее в 1950-е годы, и она стала первым крупным его произведением. В ней он отчетливее всего проявил себя как эпический поэт. Заслуживает упоминания то, что еще в 1952 году А. Твардовский, ознакомившись в качестве главного редактора «Нового мира» с подстрочным переводом первой части поэмы, отозвался о ней в краткой редакционной записке как об «очень стоящей вещи».

Эпичность «Сказания о карелах» — это эпичность особого склада. Поэма еще очень близка к фольклорной эпике, к «Калевале», к народным героическим рунам. Такая эпичность возможна только на относительно ранней стадии развития национальной поэзии, и эту стадию в

послевоенные десятилетия переживала молодая карельская литература. Практически в ней только зарождались повествовательные жанры, и их близость к фольклорному эпосу была естественной.

В поэме Яакко Ругоева подробно воссоздается жизнь глухих северно-карельских селений, какой она была еще немногим более полувека тому назад. Народная жизнь изображается в поэме на важном историческом переломе, которым стала происшедшая в России революция.

Описываемый в поэме жизненный материал имеет как бы два пласта, два исторических уровня: один, более древний, пласт, несущий вековые традиции относительно застойной патриархальной жизни северно-карельского крестьянства, опыт патриархального рода с определенными занятиями, устоявшимися обычаями, незабываемыми представлениями о мире и человеческих взаимоотношениях; и другой пласт, более новый, с исподволь накапливавшимися признаками социальной разделенности внутри патриархальной общины, с грандиозностью событий, внезапно вовлекших тихих «лесных жителей» в водоворот революционных бурь.

Все, что относится к первому пласту, в смысле общего взгляда на мир и поэтики еще более или менее укладывается в фольклорно-эпическую традицию, которой автор с верностью следует. В поэме подробнейшим образом описывается патриархальный быт, будни и праздники, предметы и утварь, обычаи и вековая мудрость. Как заметил один критик, по поэме Яакко Ругоева энтограф смог бы составить описание быта карельских крестьян — настолько все в ней точно и подробно изображается.

Необходимо особо подчеркнуть, что это не просто художественные детали и менее всего плод авторского вымысла. Конечно, автор строит сюжет, направляет повествование, выбирает из памяти необходимые для общей картины подробности. Но одновременно это и достовернейшие реалии народного быта, такие подробности, которые в своей совокупности и составляли обыденную жизнь тогдашнего карела, и шире — вековой народный опыт. Удачной ли была охота, много ли наловили рыбы, не загубил ли ранний заморозок посевы — это и были важнейшие крестьянские заботы, главные события замкнутого патриархального мира. И поскольку поэт задался целью эпически воссоздать этот мир, в его распоряжении не

могло быть иного материала. Напомним, что на родственном же материале в свое время возникали эпические произведения в финской литературе, в поэзии и прозе («Охотники на лосей» Рунеберга, «Семеро братьев» Киви).

В период, который изображается в поэме Я. Ругоева, быт карельского крестьянина сохранял еще многие черты патриархально-родовой общины, однако происходили уже изменения, судьбы героев разделены социальными рубежами. И характерно, что даже в тех главах, где описываются, казалось бы, самые традиционные, самые древние занятия и обычаи жителей деревни, уже явственно выступают моменты социальной разделенности. В сценах охоты, игры в городки, деревенских праздников — всюду повествование направляется таким образом, чтобы столкнулись интересы представителей двух родов деревни — бедняков Перттуненов и зажиточного Левы Еухко. Строки, рисующие сцену охоты, когда дед Юрки рассказывает внуку о повадках птиц, об охотничьих хитростях, кажутся, были бы вполне уместны в традиционной народной руне, причем весьма древнего происхождения — настолько древен описанный в них народный опыт. Но вот дед с внуком принимаются в лесу за свою скудную еду, и разговор заходит о богатеe Леве, которому живется сытнее и которому они, Перттунены, вынуждены относить масло от своей коровы. Древний опыт сталкивается в их сознании с новыми социальными отношениями. Тем резче стало это столкновение, когда лесной край был вовлечен в пожар гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами.

Возникает вопрос: в какой мере фольклорно-эпический повествовательный стиль пригоден для изображения уже не традиционной, относительно малоподвижной патриархальной жизни, а драматических событий новой, революционной эпохи. Ведь подробнейшая обстоятельность, неторопливость, замедленность стиля повествования в народном эпосе вытекала из того, что неторопливой и замедленной была сама изображаемая жизнь; этот стиль предполагал устойчивость изображаемого мира, устойчивость традиционных представлений о жизни, устойчивость всего того, что было унаследовано от далеких предков. В фольклорном эпосе этот относительно устойчивый мир как бы «завершен», ему «некуда» меняться — всякие перемены только угрожают самому существованию эпи-

ческого мира. Показывать мир меняющимся, равно как и сознание героев в развитии, это уже не задача фольклорно-эпического стиля. Такая задача требует принципиально иных средств поэтического выражения.

Революция означала ломку старых устоев жизни, старых представлений о мире. И это была драматическая ломка, которую уже трудно передать неторопливым эпическим повествованием. Можно заметить, как при изображении разнородных пластов жизни, древнего (патриархально-родового) и нового (социально-классового), несмотря на стремление повествователя объять их единым сюжетом, в эстетическом смысле все же не получается органического единства и непрерывности, возникают разрывы, перебои, ощущение авторской заданности, впечатление того, что социологические ходы в сюжете являются некими «добавлениями» к традиционно-эпической (устойчивой и «завершенной») картине мира.

Автор, конечно, знает, что объективный мир, равно как и субъективное сознание людей, не были в изображаемую им эпоху «устойчивыми», что были тревоги и метания, была исполненная драматических ситуаций «круговерть». И автор отчасти пытается передать этот драматизм, но в полную меру это не удается. Препятствием становится сам стиль повествования, сосредоточенный больше на внешнем, чем на внутреннем. Герои поэмы мужают, стареют, умирают, перемещаются в пространстве, но это больше внешние веши их жизни, тогда как внутреннее движение выражено недостаточно.

Главным героем поэмы Яакко Ругоева является весь народ, не отдельные индивиды. Александр Горловский остроумно предложил очень наглядную аналогию с фотографиями в крестьянской избе, «где суть не в какой-то одной, отдельно взятой фотографии, не в том или ином лице, а во всем суммарном облике семьи, составленном из далеких и близких, старых и молодых ее представителей самых разных времен. Так и поэма Яакко Ругоева, где порой не успевает означиться тот или иной герой, как уже исчезает из глаз, а то и вовсе из поэмы. Но оставленный им след где-то сольется с другими, и все вместе они довольно точно означат этот род, людей э того края».¹

¹ См. предисловие к поэме «Сказание о карелах». — М.: Худож. лит., 1972.

Подобный акцент на общенародном, а не индивидуальном характерен и для одного из крупнейших произведений карельской прозы — «Водораздела» Николая Яаккола. Это прозаическое повествование тоже о жителях северной Карелии, с охватом примерно той же эпохи, которая изображается и в поэме Яакко Ругоева. В обоих произведениях упор делается на общенародных судьбах, общенародной жизни, в потоке которой различимы отдельные герои, но они все составляют ее частицу и именно с этой точки зрения интересны для автора.

Но молодая карельская литература не стоит на месте, она развивается, и в ней появляются новые стилевые тенденции. Развиваются сами писатели, их творческие принципы.

В творчестве Яакко Ругоева эволюция выражается в том, что в его поэзии заметно усиливается лирическое начало. Определенной вехой стала его поэма «Хождение за надеждой» (1966), которая в данном издании закономерно представлена автором в качестве эпилога. В ней удивляет неожиданная сжатость изложения; исторический материал тот же, но он предельно сконцентрирован, автор стремится не столько изобразить, сколько выразить события, вместить их в лирическое высказывание, пронизать идеей народного «паломничества», «хождения за надеждой», поисков правды.

Начиная с шестидесятых годов Яакко Ругоев все более заявляет о себе как лирический поэт, и его лирика во многом обновляется по своим формальным признакам. Акцент на свободном лирическом размышлении (а не на эпическом рассказывании) повлек за собой изменения структуры стиха. Поэт стал довольно часто прибегать к свободным ритмам, к белому стиху. Сохраняются некоторые особенности фольклорной поэтики, например аллитерация, но заметно уменьшился удельный вес архаической «калевальской» лексики; в целом поэтический словарь, равно как и синтаксис, заметно осовременился.

Но эволюция Яакко Ругоева как лирического поэта не отменяет ценности его ранней эпической поэмы. «Сказание о карелах» занимает важное место как в творчестве поэта, так и в развитии жанра поэмы в национальной карельской литературе.

Эйно Карху